

Т. А. Жданок¹

А ЕСТЬ ЛИ СУБЪЕКТЫ ДИАЛОГА?

Необходимым условием возможности диалога культур является сохранение разнообразия и своеобразия его сторон как равных собеседников. Сейчас же, когда технические и организационные возможности диалога возросли невероятно, остро встала проблема существования самих участников диалога. Глобализация отнюдь не сводится к расширению возможностей участия в коммуникации. В огромной степени глобализация одновременно означает смешение и унификацию культурного контекста всей планеты. Есть остроумное выражение о сущности глобализации: «Чем легче перемещение из одной точки мира в другую, тем меньше смысла в этом перемещении». Конечный продукт смешения культур в пределе уже утратит аромат, цвет и вкус исходных компонентов, но будет иметь свой собственный характер — не столько включающий, сколько замещающий поглощенные культуры.

Мне, как русскому депутату Европарламента от Латвии и как президенту международной ассоциации «Европейский русский альянс», объединяющей представителей русскоязычных жителей Евросоюза, ближе проблемы взаимодействия русской и европейской культур. О них я и буду говорить.

Россия и русская культура многократно пересекались с культурой Европы, и результаты этого диалога часто бывали выдающимися и поистине глобальными — еще до появления самого понятия глобализации.

Параллельное и часто разнонаправленное творчество Достоевского и Ницше даже в своих антагонизмах — один из ярчайших примеров такого диалога. Вместе с наследием Кьеркегора и Ницше творчество Достоевского, Николая Бердяева и Льва Шестова стало основой французского экзистенциализма. Наверное, излишне напоминать о том, какое влияние оказали экзистенциализм в целом, Жан-Поль Сартр и Альбер Камю на европейскую культуру XX века, на литературу, театр и кино — в первую очередь во Франции. А в 1960–1970-е годы этот творческий импульс через французскую литературу, театр и кино вернулся к одному из своих истоков — в русскую культуру. Напряженный поиск смысла человеческой жизни, столь созвучный русской душе, возродился в России спустя треть века после «философских пароходов», на которых была принудительно экспортирована в Западную Европу интеллектуальная и культурная элита страны.

Парадоксально, но современная элита глобализации — это европейцы поколения парижского «Красного мая» 1968 года. Нынешние архитекторы Европы и глобального мира — в большой степени наследники русских богоискателей, богостроителей и богоборцев, чьи мысли, чувства и поиски стали частью европейского культурного контекста и образа мышления.

Еще один исторический пример диалога русской и западноевропейской культур — история французского импрессионизма, постимпрессионизма и отчасти кубизма. Русские купцы, меценаты и коллекционеры — Шукнины и Морозовы — годами финансировали творчество Пикассо, Матисса, Ренуара и Пьера Боннера. Творческий импульс французской живописи вернулся во Францию «Русскими сезонами» Сергея Дягилева, которые в свою очередь стали открытием для французской культуры и оставили в ней долгий след.

Музыка Чайковского, Стравинского, Скрябина, Рахманинова, Шостаковича и Прокофьева, живопись Бакста, Бенуа, Врубеля, Рериха, философия Шестова, Бердяева, Соловьева, Франка, балет дягилевских «Русских сезонов» и Большого театра — таковы были послания русской культуры культуре европейской и мировой. Невозможно перечислить послания Европы, творчески и органично воспринятые и ставшие неотъемлемой частью русской культуры.

Так обстояло дело до наступления эры глобализации, когда и русская культура, и культура европейская были органическими сущностями, целостными системами, между которыми и были возможны диалог, взаимопонимание и взаимовлияние.

Сейчас же европейская культура напряженно противостоит экспансии культуры транснациональной и глобальной, а по сути англо-американской. Одновременно идет конкуренция с атомизацией и распадом культурной системы на острова субкультурных сообществ.

Русская же культура с точки зрения европейцев просто исчезает. То, что предъявляют миру и Европе российские масс-медиа, работающие на зарубежье, все более выглядит не как органическая и самобытная ценностная система, а как результат адаптации и локализации глобального культурного продукта. Причем, как всякое повторение и подражание, этот культурный субпродукт — не более чем бледная тень оригинала, никак не способная конкурировать с первоисточником. Утверждается, что таковы требования рынка. Однако продвижение российской массовой культуры от поп-музыки до поп-литературы обеспечивает армия высокооплачиваемых и квалифицированных профессионалов. Массовый культурный продукт продвигают маркетологи, специалисты по стимулированию спроса, профессионалы пиара и рекламы, психологи, журналисты и знаменитости.

¹ Депутат Европейского парламента (Латвия), президент Европейского русского альянса, доктор математики. Сопредседатель правления партии «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ). Автор ряда публикаций, в т. ч. учебных пособий: «Задачи-тесты по высшей математике: Множества. Функции. Пределы. Производные», «Задачи письменных вступительных экзаменов по математике в 1983 и 1984 гг. (с решениями)», публицистических изданий: «25 вопросов Татьяне Жданок», «Европейский дневник» и др. Одна из основателей Европейского русского альянса. Награждена орденом Дружбы.

Не видно, чтобы столь же мощные силы в России работали на сохранение самобытности и способности к развитию русской культуры как оригинального явления, способного к диалогу на равных. В итоге тот российский культурный контент, что доступен жителям стран Евросоюза, вызывает интерес исключительно в русской и российской диаспоре по ностальгическим мотивам и по соображениям языкового комфорта. Массовой европейской аудитории этот продукт абсолютно не интересен в силу своей концептуальной и технологической вторичности и чуждости контекста. Естественно, что европейская культурная элита, которая могла бы стать стороной диалога, не видит в этих условиях достойного собеседника.

Вряд ли проблема воспроизводства и конкурентоспособности культуры в условиях глобализации может быть решена лишь только усилиями политических структур или государственной власти. Культура, как всякий живой организм, не конструируется, а живет и растет — при наличии условий для жизни и роста. Появление и проявление талантов — скорее событие природы и истории, а не результат государственных усилий. Творчеству Умберто Эко нисколько не мешает тот факт, что экономический и политический потенциал Италии неизмеримо ниже потенциала США или Китая. А творчеству авторов российского «женского детектива» ничуть не помо-

гают ни территория, ни природные богатства, ни военный потенциал Российской Федерации.

В стремлении сохранить жизнеспособность русской культуры непродуктивно возлагать чрезмерные надежды на протекционизм и попечительство государства. Жизнь показывает, что страна с самым мощным в мире потенциалом культурной экспансии — Соединенные Штаты — вообще практически не имеет официальных структур регулирования культурных процессов, что не мешает американской культуре долгосрочно доминировать в мире и оказывать давление на культуру, например, Франции — страны с очень развитыми политическими механизмами поддержки культуры.

Однако поддержка высокого общественного статуса создателей культуры и самой культуры как абсолютной ценности — задача разумная и посильная для политической элиты. Столь же разумна и выполнима для государства задача обеспечения высокого образовательного уровня народа, что необходимо для непрерывности культурного контекста и воспроизводства культурных кодов и традиций, которые и делают народ народом. При условии, что не будет потерян буквальный смысл выражения «в русле традиций». Живая традиция — это не застойный пруд, недвижно лежащий в своем ложе. Это поток, стремящийся по своему и именно своему руслу вперед, в будущее — всегда изменяясь и всегда оставаясь собой.